

О. П. Коломиец, В. Н. Нувано

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЧУКОТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В настоящей статье исследуются погребальные чукотские традиции, сохранившиеся до настоящего времени. Многие ученые полагали, что архаичные формы похорон уступят место современному унифицированному обряду. Однако, в некоторых национальных селах Чукотки по-прежнему хоронят путем сожжения или оставления тела умершего на холме или на открытой местности; современный похоронный обряд также часто сопряжен с некоторыми элементами традиционной культуры.

Авторы рассматривают мировоззренческие установки, связанные со смертью, отношение к смерти у чукчей и соседних этнических групп. Для сравнительного анализа обрядов, бытующих в разные годы, авторы приводят описания погребального обряда учеными и путешественниками XVIII–XX вв.

Существующие обрядовые практики в современной чукотской культуре представлены следующими способами погребения умерших: сожжение, оставление тела под открытым небом, захоронение «по-русски».

Среди традиционных погребальных практик наиболее распространен обряд сожжения. Причем, в с. Ваеги Анадырского района, похороны «по-чукотски» наиболее предпочтительны для коренных жителей. Исключения составляют случаи, когда супруги, близкие родственники – представители другой национальности, могут не исполнить волю умершего на обряд сожжения.

Остальные традиционные способы погребения немногочисленны, однако еще встречаются в с. Илирней (Билибинский район), с. Рыткучи (Чаунский район), в некоторых селах Анадырского и Чукотского районов.

Опросы жителей показали, что чаще всего «по-чукотски» хоронят стариков, которые озвучили свою волю еще при жизни, или «тундровиков», занимающихся традиционным хозяйством вдали от поселков.

Следует отметить, что сейчас мало кто из информантов может описать обряд целиком, многие знают порядок ритуальных действий, но при этом не могут раскрыть их смысл. Да и сами погребальные обряды не редко проводятся в «усеченном» варианте (некогда обязательные манипуляции с умершим уже не производят, например, надрез сухожилий, «открытие» груди и т. д.).

В сельской местности до сих пор остаются знатоки, владеющие традиционными погребальными практиками. Они участвуют в подготовке и проведении обряда, учат молодое поколение проведению ритуалов.

Ключевые слова: чукчи, традиционная культура, традиционные похоронные обряды, обряд сожжения, элементы погребального обряда.

Погребальная обрядность в чукотской культуре наряду с «новыми», унифицированными формами, до сих пор представлена и традиционными элементами. Архаичные обрядовые практики в современной чукотской культуре используются в основном старшим поколением и основаны на знании мифологии, языка, хозяйственного уклада.

Цель настоящей работы – изучение погребальных чукотских традиций, сохранившихся в обрядовой практике до настоящего времени. Задачи исследования включают в себя рассмотрение мировоззренческих установок, связанных со смертью, характеристику погребальных обрядов, бытующих у коренного населения Чукотки на протяжении XVIII–XXI вв., анализ информации по похоронным обрядам, собранной авторами у жителей 13 населенных пунктов Чукотки в 2018–2019 гг.

Отношение к смерти. Считается, что у чукчей «легкое», равнодушное, почти фатальное отношение к уходу из жизни. Издревле они считались бесстрашными воинами, предпочитающими плену смерть. В обычной жизни больные, немощные и старые люди с готовностью

принимали смерть от близких родственников, такой уход считался равноценным смерти в сражении. Обычай «добровольной смерти» был распространен у чукчей и коряков. На исследователей Севера он производил сильные впечатления и зафиксирован во многих документах (Журнал, 1978: 56; Описание, 1978: 138; Олсуфьев, 1896: 112). В рукописи К. Г. Мерка этот обычай описан, как достойное деяние: «Если мужчины-чукчи чувствуют приближение смерти, они чаще велят себя заколоть – обязанность друга; как братья, так и сыновья не огорчаются смертью, скорее радуются, что он нашел в себе достаточно мужества не ожидать женской смерти, как они выражаются, а сумел уйти от мучений дьяволов» (Описание, 1978: 138). Доктор Кибер в начале XIX в. так описывал этот обряд: «Вот один гнусный их обычай: когда больной, или дряхлой Чукча почувствует, что ему недолго жить остается, то требует от детей своих, или от ближних родственников, чтобы его умертвили. Те, которые пользуются общим уважением, кто был Тайоном и пр. наиболее соображаются с сим обычаем. Место, куда обыкновенно поражающе есть боевая шейная жила. Мне рассказывали множество подобных убийств, которые доказывают, что сии люди, вероятно, сократили жизнь свою многими годами» (Кибер, 1824: 116). Ученые-биологи, врачи объясняют распространение в прошлом обычая «добровольной смерти» социально-биологической целесообразностью. По их мнению, этот обычай «сокращал количество хронических больных – источника особо опасных инфекционных заболеваний, устранял непродводительную часть населения, способствовал самооздоровлению этнических групп» (Вольфсон, 1985: 28).

С приходом Советской власти, этот обычай был строго запрещен властями к исполнению, он приравнивался к убийству, стал уголовно наказуемым деянием (Гагарин, 2008: 224–229). Однако, некоторое время люди продолжали придерживаться данной традиции, что нередко приводило к весьма трагическим последствиям. Нами записан случай, произошедший в Чукотском районе: «В 1966 г. бабушка в Нешкане попросила, чтобы ее по обычаю умертвили. Собрались родственники – сделали ритуал. Тут же этот случай объявили преступлением. Выявили участников – групповое убийство. Летит конвой, летит следователь. Пока летел вертолет – один сразу застрелился, остальных поместили в комнату. В результате, приходят утром – еще обнаружили пять трупов. Оказалось, они нашли гвоздь в стенке, у кого-то были капроновые чулки. И они поочередно умертвили себя. И только после этого случая, вдруг стали говорить, что зачем влезали в жизнь коренных. Полетели шапки – полностью уволен конвой, следователь с работы слетел и еще кто-то. Но обычая добровольной смерти перестали придерживаться» (ПМА, 2019).

По нашим сведениям, практически до 90-х годов XX в. у чукчей еще существовали единичные случаи «добровольной смерти». Старики рассказывали, что некоторым удавалось уговорить друзей или родственников исполнить обряд. Существует выражение: «*Тэйен'у нэлгыгыр*» (Тебя пожелал старик). Людям, исполнившим волю умершего, навязывали бусинку на левую руку, а потом, на этой же руке накалывали точку» (ПМА, 2019).

Из бесед с представителями среднего и старшего поколения, мы выяснили, что ценность жизни для них имеет большое значение, но, в то же время, многие, чья традиции предков, спокойно готовятся к приближению смерти. Например, старики-оленоводы, до сих пор загодя шьют погребальную одежду, готовят нарты и другие похоронные атрибуты, чтобы, с одной стороны, облегчить хлопоты родственникам, с другой стороны, быть уверенным, что они достойно перейдут в другой мир.

Смерть в чукотской традиционной культуре – это переход в инобытие, как переезд куда-нибудь далеко на новое место жительства, где человек собирается продолжать свою жизнь в окружении родственников, переселившихся туда ранее (Вдовин, 1976: 246). Именно поэтому старики готовятся к смерти задолго до ее наступления. Один из жителей илирнейской тундры так говорил о приготовлениях отца и матери к переходу: «Отец желал, чтобы его похоронили по-чукотски. Но его не сожгли, а привезли в поселок и закопали. Моя мама сильно переживала из-за этого. Может поэтому она заранее готовилась к смерти и пошила погребальную одежду.

Она сама говорила, что покойному достаточно одинарной одежды – или верхней, или нижней части (традиционного костюма). Она пожелала, чтобы ее похоронили тоже по-чукотски, но чтобы оставили в тундре. Говорила, что не хочет быть с венком, как на русских кладбищах, они (венки) душить будут в другом мире» (ПМА, 2019). Как правило, у чукчей и коряков погребальную одежду никогда не заканчивали полностью: существовало представление, что, если закончить её при жизни человека, то это ускорит наступление смерти. Погребальный костюм хранили в незаконченном виде – без опушки у капюшона или у подола одежды, без подошв у обуви, без пряжки у пояса и т. д. (История и культура коряков, 1993: 46). Кроме того, такую одежду шили крупным, некрасивым стежком и не делали узелков на жильных нитях (ПМА, Горбачева, 2004: 84). У ваежских чукчей существует запрет на использование шкур диких животных при изготовлении погребального костюма. Например, считается, что если сшить одежду из бараньей шкуры, то шкура в ином мире превратится в барана и будет бесконечно биться о скалы (ПМА, 2000).

Весьма интересны сведения о погребальных нартах. Старики покупают их, выигрывают на гонках, или изготавливают сами. Сначала их полностью собирают, как для живых людей (все ременные связки накручивают по часовой стрелке), потом их разбирают на отдельные части и хранят до наступления смерти хозяина (для посмертной нарты все связки крутят против часовой стрелки).

Мировоззренческие установки, связанные со смертью. В чукотской мифологии создателем земли и всего живого является *Тэнантомгын/Тынантомгын* – «Творец». Как правило, он представляется в образе человека, чаще всего старика. (Вдовин, 1976: 228). Именно *Тынантомгын* первым поднялся в «верхний мир» за убитым людьми сыном и лишил человечество бессмертия. До этого на земле не существовало смерти от старости, болезней и убийств (Нувано, 2008: 230). В чукотском фольклоре бытуют и другие сюжеты о том, как люди потеряли бессмертие (Лебедев, 1992: 34).

Существует вариативность в определении количества возможных миров в представлениях чукчей. В. Г. Богораз отмечал, что их могло быть пять, семь или девять. И. С. Вдовин не нашел подтверждения данному тезису в чукотской мифологии: «Количество вселенных (миров) наиболее определенно в представлениях чукчей ограничивается тремя» (Вдовин, 1976: 230). И в настоящее время некоторые знатоки фольклора могут обозначить верхний, средний и нижний миры. В верхнем мире живут предки, которые умерли достойной смертью (от старости, в сражении, по обычаю «добровольной смерти»); средний мир населен живыми людьми, животными и растениями; нижний мир – обитель людей, умерших от болезней и злых духов (*келе*).

Согласно поверьям чукчей, у каждого человека есть *увирит* – жизненная сила человека, душа, заключенная в физическую оболочку человеческого тела, она отделяется от тела, когда наступает смерть. После смерти человека отделившаяся от тела *увирит* продолжает жить той же жизнью, как и на земле (например, быть оленеводом, охотником). В зависимости от причин смерти *увирит* попадает либо к верхнему народу (*гырголрамкын*), либо к нижнему народу (*нотаск'ырымкын*). *Увирит* тех, кто умер достойной смертью, обретали свое повторное существование. Они воплощались в новорожденном потомке (Вдовин, 1976: 245–248). У современных коренных жителей термин «*увирит*» уходит из обихода, но сохраняется понимание переселения души в иной мир в связи с их желанием «уходить» по старым обычаям, в традиционной одежде.

Описания погребального обряда исследователями XVIII–XX в. Традиционные погребальные практики чукчей описаны во многих литературных источниках (Олсуфьев, 1896: 112–114; Богораз, 2011: 182–193; Беретти, 1929: 44–47; Дьячков, 1992: 198–199; Черненко, 1957: 136–138; Лебедев, 1992: 34–37; Лебедев В. В. и др., 1983; Беляева А. В., 1965: 32–33 и др.).

Отметим, что большинство описаний посвящены обряду сожжения, который был более распространен у южных групп оленных (кочевых) чукчей и коряков. Обряд оставления умершего на открытой местности обычно упоминался исследователями вскользь, чаще в дополнение к описаниям кремации. Такая обрядовая практика чаще применялась у приморских (оседлых) групп чукчей и эскимосов. Обычно человек еще при жизни мог выбирать способ своего погребения, что так же описано в литературе.

Нам представляется важным описать существующие на сегодняшний день погребальные практики чукчей и определить глубину понимания людьми исполняемых обрядов.

Погребальные практики в современной культуре. В настоящее время в чукотской культуре существуют несколько способов погребения умерших: сожжение, оставление тела под открытым небом, закладывание тела камнями, захоронение «по-русски», смешивание традиционных и современных ритуальных форм в одном обряде.

Среди традиционных погребальных практик до настоящего времени наиболее распространен обряд сожжения. Эта традиция сохраняется у коренных жителей национальных сёл Ваеги, Мейныпильгыно, Хатырка (Анадырский район), Омолон, перевал-базы Кайэтын (Билибинский район).

Например, в с. Ваеги Анадырского района, похороны «по-чукотски» наиболее предпочтительны для коренных жителей. Исключения составляют случаи, когда супруги, близкие родственники – представители другой национальности, могут не исполнить волю умершего на обряд сожжения.

Открытое трупоположение в тундре в настоящее время менее распространено. В последние годы зафиксированы единичные случаи этого обряда в селах Лорино (Чукотский район), Илirianей (Билибинский район) и Рыткучи (Чаунский район).

Места для погребения. Во многих чукотских и эскимосских сёлах имеется несколько погребальных комплексов. В одних местах хоронят только чукчей, в других – «русских»¹. Например, в с. Ваеги имеется два кладбища. На первом хоронят «русских», на втором – православных чуванцев и эвенов, а также чукчанок, которые были замужем за «русскими». Мужчин же, женатых на «русских» женщинах, всегда хоронят по-чукотски – сжигают. Также чукчи, живущие в селе, хоронят родственников на двух близких к поселку холмах. Между холмов на длинной гряде также расположены небольшие родовые (семейные) погребальные площадки. Иногда ваежские оленеводы сжигали родственников в тундре.

В сёлах Мейныпильгыно и Хатырка Анадырского района есть как обычные кладбища, так и места для исполнения традиционных похоронных ритуалов сжигания. В Хатырке шесть таких родовых мест.

На перевал-базе Кайэтын Билибинского района, где проживают оленеводы эвены и чукчи, имеется две погребальные площадки – первая чукотская, на склоне сопки, где умерших родственников сжигают и внизу у речки – эвенское кладбище, на котором хоронят по православному обряду.

В с. Лорино Чукотского района одно поселковое кладбище, на котором хоронят представителей всех национальностей. Кроме того, людей, желающих быть погребенными по традиционному обряду, хоронят в тундре путем оставления тела на открытой местности. Были случаи, когда умершего привозили в поселок, чтобы провести медицинские экспертизы и другие формальности, а затем снова увозили в тундру, чтобы похоронить традиционным способом. В основном так поступают в оленеводческих семьях. Морзверобоев чаще всего хоронят на кладбище (ПМА, 2019).

¹ Официально к коренным народам Чукотки относят чукчей, эскимосов, эвенов, чуванцев, коряков, кереков, юкагиров. «Русскими» коренные жители Чукотки, как правило, называют приезжее население, не относящееся к коренным малочисленным народам Севера (русские, украинцы, молдоване, белорусы и др.).

В селе Рыткучи Чаунского района кроме общего кладбища, иногда хоронят стариков в тундре путем оставления тела. За последние два года таким способом похоронили двух человек.

В селе Сиреники Провиденского района существует семь кладбищ в разных местах – два чукотских, два эскимосских, и три смешанные. Жители объясняют это обстоятельство тем, что хотят жить отдельно друг от друга даже после смерти. Оленные чукчи используют своё кладбище за рекой. В случае, если умерший был из смешанной чукотско-эскимосской семьи, то у него при помощи специального ритуала спрашивают где он хочет быть похороненным (Yashchenko, 2013: 44).

Обряд сожжения. Наиболее подробно, с детализацией всех элементов, описан современный обряд сожжения ваежских чукчей (Нувано, 2008). В. Н. Нувано наблюдал этот обряд несколько раз – в 2000, 2003, 2011 гг. Кроме того, нами записаны несколько интервью со знаатоками тонкостей обряда и с его исполнителями.

Основные элементы обряда сожжения соблюдаются в неизменном виде. Например, тело после смерти укладывают на шкуру с камусами, ориентируют головой к выходу. Все части тела покойного всегда скрыты покрывалом от дневного света, «чтобы он не мог «взять» с собой когонибудь из присутствующих» (История и культура, 1993: 130). При одевании покойного в погребальные чукотские одежды, тело открывают постепенно, чтобы одеть ту или другую часть костюма. После этого тело обвязывают сыромятным ремнем, на конце которого навязывают узелки, обозначающие самого покойного, стадо оленей и живых родственников. У ваежских чукчей этот конец ремня лежит в ногах. У коряков он всегда находится у шеи (История и культура коряков, 1993: 130). Перед сожжением на руках и ногах покойного обрезают ремень, как бы освобождая конечности. Один узелок этого ремня остается при покойном. Часть ремня с остальными узелками забирают домой, они становятся семейными охранителями. На месте погребения голова всегда ориентирована на запад в темную сторону мира мертвых.

Подробнее остановимся на том, как передается погребальная чукотская традиция через институт так называемых «ворон». «Вороны» – это женщины среднего или старшего возраста, посвященные наставницами в тонкости традиционного похоронного обряда. В с. Ваеги в настоящее время живут три женщины, которые хорошо знают обряд и участвуют в его исполнении – самой старшей – 60, младшей – 35 лет. До 2000-х гг. ваежцы таких женщин называли *рыратколъын* «вспарывающая/разрезающая». Это прозвище ушло из обихода, потому что в последние годы *рыратколъын* перестали перед сожжением вспарывать живот покойному и перерезать сухожилия рук и их стали называть по-русски воронами. В других чукотских селах помимо женщин, исполнять обряд могут и мужчины – не близкие родственники покойного. У коряков погребальный обряд совершали мужчины или женщины, не состоящие в родстве, их называли *велву* (ворон) (История и культура, 1993: 131). Как только ворона узнает о смерти человека, она приходит в тот дом, где находится тело, производит обязательные действия и дает наказы: дает распоряжение о заготовке ольховых веток в таком количестве, чтобы можно было обозначить круг в месте погребения (в день похорон недалеко от жилища складывают охапку ольховых веток); помогает в раздевании тела покойного; следит за тем, как его правильно положить, и на какую шкуру, смотрит состояние погребальной одежды. Так как погребальная одежда всегда не дошита, то дает наказ о том, как пришить *ытъычк'ын* (подол) кухлянки (подол должен быть оторочен белым мехом собаки-суки, на капюшон женской камлейки нашивают густую опушку из того же меха); дает распоряжение о приготовлении погребального инвентаря (на солнечное сплетение покойного кладут камень, на живот вещи, необходимые в «другом мире»: модель *тэвр* (тренога – символ жилища), *пойгын* (копье), нож, чашку, иголку, наперсток и др. мелкие вещи, *ытъынтавългын* («собакоотгонялка» – деревянный предмет в виде креста); говорит родственникам, чтобы они не оставались в одиночестве. До похорон их должен кто-то сопровождать. Затем ворона уходит из дома, где до погребения лежит тело. Обычно тело в доме остается недолго. Умершего хоронят на следующий день, в крайнем случае, на третий, в зависимости от готовности погребального «имущества»

покойного. Ворона появляется в доме умершего перед выносом тела, когда ей предстоит одевать умершего в погребальные одежды и проводить сожжение.

После всех приготовлений покойника отвозят к месту погребения *мелгынын*, снимают со шкуры и кладут на кострище головой на запад, лицом вверх. На кострище-помост встает ворона, одетая в камлейку, обвязанная заранее приготовленным жгутом-маской из травы в форме длинной косы. Она берет с груди покойного нож и разрезает ремень, обвязывающий его тело, одежду и кричит по-вороньи. После этого с нее срывают камлейку, травяной жгут и бросают эти вещи в костер (ПМА, 2019).

Именно вороны являются хранительницами и трансляторами традиционного погребального обряда, хотя в последние годы их ритуальный функционал сильно сократился. Они перестали совершать манипуляции с телом, определять причину смерти человека. Забыт и другой обряд – только старики могут вспомнить о гадании, когда покойного спрашивали о некоторых его желаниях (о месте погребения, о способе «перехода в иной мир» и др.).

После того как тело сгорает в погребальном костре, место обкладывают по кругу ольховыми ветками, которые привезли с собой. Круг из ольховых веток становится границей между потусторонним и настоящим миром. На ветки кладут заранее приготовленный камушек-«замочек». Перед тем как уходить с места погребения, провожающие по часовой стрелке обходят погребальное кострище. Ваежские чукчи остаются на месте погребения почти до полного сгорания тела умершего. Омолонцы, как только подожгут кострище, сразу уходят не оглядываясь: «Как только подожгут, сразу быстро на оленях умчатся, аж снежная пыль за ними» (ПМА, 2019).

На следующий день снова посещают место погребения. Смотрят на месте ли «камушек-замочек». Если на месте, то покойный «хорошо» переходит в другой мир, если камушек упал с сомкнутых веточек, то у духа умершего были попытки оставаться в обычном мире.

Сравнивая записанные и увиденные обряды, можно сказать, что некоторые действия или забываются, или обряд сознательно упрощается. Так, в ходе обряда перестали сооружать другую «преграду», обозначающую непроходимую реку, разграничивающую «миры» живых и мёртвых (Нувано, 2008: 233).

В чукотской культуре не принято грустить, громко оплакивать покойника. Поэтому рядом с местом захоронения родственники, друзья умершего играют в мяч, пьют чай, трапезничают у отдельного костра.

В чукотской погребальной практике в последние годы появились новые элементы. При выносе тела из дома вместо живой собаки (чаще суки) в доме оставляют плюшевую игрушку, которая также несет функцию охранителя. На месте сожжения ставят обелиски с фотографиями, оставляют пластмассовые цветы, игрушки. Так как обряд чаще проходит недалеко от поселка, то и курганы из рогов *тарыннын'гыргын* перестали сооружать. По словам жителей, «теперь чаще умершие переходят в другой мир пешими с посохом. Последними умершими в Ваегах, которые «переходили в другой мир на оленях» были Етаквургин и Арытагин в конце 70-х годов XX в. (ПМА, 2018).

Раньше к захоронениям приходили в первый год после смерти родственника для укладывания оленьих рогов, затем от случая к случаю, в том числе во время кочевков. В настоящее время это делают чаще. Поминальный обряд иногда приравнивают к православному родительскому дню. Во-первых, это связано с тем, что происходит постепенное смешение культур, во-вторых, места традиционных погребений стали ближе к населенным пунктам, что дает возможность приходить к могилам.

Оставление тела умершего на открытой местности. Похоронный обряд оленных и приморских чукчей с оставлением трупа в тундре наиболее подробно описан В. Г. Богоразом (Богораз, 1900: 81–88; Богораз, 2011: 193–194).

Этот вид обряда отличается упрощенной формой, хотя подготовительные ритуалы схожи с обрядами чукчей-оленеводов южной Чукотки. Случаи исполнения этого обряда в современный период немногочисленны, но он по-прежнему бытует среди жителей старшего поколения Чукотского (с. Лаврентия, Нешкан), Чаунского (с. Рыткучи) районов и др. Нами записано два примера этого обряда в сёлах Илирней (Билибинский район) и Конергино (Иультинский район). Обычно ритуал проводят посторонние люди, но в 2013 г. в с. Илирней сыну пришлось самому хоронить свою престарелую мать: «Так как не осталось в поселке знающих людей, так получилось, что пришлось самим делать ритуал» (ПМА, 2019). В обряде имеется ряд особенностей. Как правило, для похорон выбирают сухое место на возвышенности и обкладывают его камнями *палаквыт* («оставлять камень»). Погребальную площадку посыпают кусочками жира или костного мозга оленя, как бы выстилая место. В с. Илирней тело умершей женщины было ориентировано головой на восток. Информант объяснял это тем, что покойному лучше будет со светом, не в темноте. Однако, по информации конергинского оленевода, тела умерших односельчан ориентируют головой на север. При этом он отмечал, что: «*Гэрэлин вьильыт эйгыскыльын тан'ам оран'анко* (Почему-то северные (соседи амгуэмские, нешканские оленеводы) всегда головой в нашу сторону (на юг)» (ПМА, 2019). Затем умершего раздевают, погребальные одежды разрезают, придавливая фрагменты одежды большим камнем, чтобы их не разносил ветер и не растащили звери. После покрывают тело оленьим мясом. Илирнейский оленевод рассказывал, что покрыл лицо умершей внутренним жиром оленя *н'эрк'л*, «чтобы на том свете дышать было легче», а конергинские оленеводы закрывают лица покойников лопатками оленя, разрезанными как один кусок, а гениталии – грудиной оленя. Информанты по-разному объясняют этот ритуал: «Зверь начинает есть сначала оленьё мясо, которым покрыто тело, потом постепенно переходит на поедание тела умершего человека. От степени съедения зверьми тела смотрим, как покойный покинул настоящий мир» (ПМА, 2019).

Один из информантов с. Лаврентия так трактовал этот обычай: «Интересно. Лежало тело умершего молодого оленевода, и вдруг через три дня ничего не осталось. Верно, что с лёгкостью он покинул этот мир» (ПМА, 2018). Если тело долго остается нетронутым, то могут предположить, что покойный не хочет покидать настоящий мир, что у него могли остаться незавершенные дела. Дух такого умершего может стать злым *келе* (ПМА, 2019).

В чукотской (оленеvodческой) культуре существует два способа перехода в «иной мир» – пешком с посохом и на оленях. Информант из с. Конергино гордился, что его родители все «перекочевали на оленях». Он говорил: «*Чинит тынъэгынтовнат иргинет гаканъет*» (Я сам сопровождал их (родителей) погоняя оленей). Он и для себя в 2015 г. приобрел (выиграл на гонках) новую нарту. Оленевод из с. Илирней говорил, что «его мать пошла пешком» (ПМА, 2019).

Похороны «по-русски». В настоящее время самым распространенным способом погребения является захоронение в могилу. Коренные жители называют такой способ «похоронить по-русски». В смешанных чукотско-русских семьях, как правило, хоронят именно так. Но при этом, используют некоторые элементы традиционных чукотских ритуалов. Например, в селе Ваеги (Анадырский район) в смешанной чукотско-русской семье, умершую жену, муж хоронил по «русскому» обряду. Когда гроб еще не был готов, тело умершей, по-чукотски полностью накрыли и положили на пол головой к выходу. Когда занесли гроб, то тело положили так, что ноги были обращены к двери. В городе Анадыре умерший чукча лежал в гробу «по-чукотски», т.е. головой к выходу. При этом, русские родственники, коллеги были несколько озадачены этим обстоятельством, но легко согласились на «чукотский вариант» (ПМА, 2019). В с. Ваеги оленевод-чуванец, еще при жизни пожелал быть похороненным в гробу, но в чукотской погребальной одежде. Мужчине были положены в гроб все оленеводческие чукотские атрибуты (ПМА, 2018). Также в гроб, по обычаю, могли положить снеговыбивалку, посох, бутылку вина, продукты, чтобы душа умершего не чувствовала себя обиженной (Леонтьев, 1969: 249).

Элементы культа предков. Элементы культа предков чукчей описаны А. Э. Кибером (Кибер, 1824: 119), В. Г. Богоразом (Богораз, 2011: 180–181). Появление новорожденного всегда связывалось с кем-нибудь из предков. Если у чукчей умирал новорожденный вскоре после появления на свет, говорили: «Прошел мимо, не захотел остаться» (Вдовин, 1976: 248). В чукотском языке существует специальный термин *йинэнийрык* – «помянуть предка, направлять свои думы предку (вниз); двигаться против ветра» (Вдовин, 1977: 136). У чукчей-оленоводо было принято на месте захоронения (оставления) особо почитаемых предков, обычно на возвышении, укладывать в кучу рога приносимых в жертву оленей. Это делалось для символического увеличения стада покойного (Вдовин, 1977: 138). Предметы, принадлежащие покойному, могли привязывать к связке домашних охранителей и «кормить», как остальные семейные святыни.

Чукчи были предупредительны к покойникам. Если чукча случайно наткнулся где-нибудь на *панаалываны* – «место, где положен покойник», он считал своим долгом угостить его тем, что у него было с собой, хотя бы щепоткой табаку. Делалось это для того, чтобы покойник не обиделся и не испортил погоды (Вдовин, 1977: 138).

Культ предков в несколько измененной форме продолжает исполняться и сейчас. Например, места для традиционных захоронений все чаще расположены вблизи населенных пунктов (например, с. Ваеги, Мейныпильгыно, перевал-база Кайэтын). Это обстоятельство облегчает доступ родственникам к памятным местам. Обычно к захоронениям приходят в первый год после смерти родственника для укладывания оленьих рогов, затем от случая к случаю, в том числе во время кочевок. Все чаще поминки усопших проводят в православные родительские дни. Приходя к местам погребений, люди от общей поминальной трапезы отделяют кусочки от всех блюд и «кормят» предков по чукотским обычаям.

Заключение. В погребальной чукотской практике до настоящего времени сохранены многие традиционные черты. Обряды, несомненно, претерпели значительные изменения в сторону упрощения. Но, тем не менее, представители старшего поколения помнят традиционные похоронные ритуалы, их последовательность, смысловую нагрузку. В оленеводческой среде до сих пор придерживаются традиционных погребальных обычаев, в среде морских охотников эта традиция выражена слабее. Чукотские сельские жители и горожане, используя современные унифицированные формы обряда, применяют традиционные элементы.

Список литературы:

- Беляева А. В.** Этнографическая поездка в Анадырский район // Краеведческие записки. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1965. – С. 27–38.
- Беретти Н. Н.** На Крайнем Северо-Востоке. – Владивосток, 1929. – 96 с.
- Богораз В. Г.** Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб., Типография императорской Академии наук, 1900. – 417 с.
- Богораз В. Г.** Чукчи: Религия. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2011. – 208 с.
- Вдовин И. С.** Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1978. – С. 217–253.
- Вдовин И. С.** Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник музея антропологии и этнографии. – Л.: Наука, 1977. – Т. XXXIII. – С. 117–171.
- Вольфсон А. Г.** Основные экологические и социальные факторы становления культурно-хозяйственного уклада оленных чукчей и коряков. Магадан, 1985. – 83 с.
- Гагарин С. С.** К вопросу об обычае «добровольной смерти» // Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы. – Москва: Институт Наследия, 2008. – С. 224–229.
- Горбачева В. В.** Обряды и праздники коряков. – СПб: Наука, 2004. – 152 с.
- Дьячков А. Е.** Анадырский край. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1992. – 267 с.

Журнал, или поденник, флота капитана И. Биллингса. Поход землемерный по чукотской стране до Анойской крепости в годах 1791 и 1792 // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. – Магадан: Кн. Изд-во, 1978. – С. 54–58.

История и культура коряков. – СПб: Наука, 1993. – 236 с.

Кибер А. Э. Чукчи // Сибирский вестник. 1824. – Ч. II. С. – 87–126.

Лебедев В. Возвращение Утыля // Северные просторы, 1992. – № 3–4. – С. 34–37.

Лебедев В. В., Симченко Ю.Б. Ачаваямская весна. – Москва: Мысль, 1983. – 143 с.

Леонтьев В. В. Особенности культурно-хозяйственного развития народностей Чукотки на современном этапе (1958-1967 гг.). Окончательный отчет. – Магадан, 1969. – 300 с. (Архив лаборатории истории и экономики (г. Анадырь) СВКНИИ ДВО РАН. Инв. № 838)

Нувано В. Н. Обряд погребального сожжения у ваежских чукчей // Тропою Богораза. Научные и литературные материалы. – Москва: Институт Наследия, 2008. – С. 230–234.

Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи и ее экономического состояния и быта населения. – СПб., 1896. – 245 с.

Описание обычаев и образа жизни чукчей (рукопись Г. К. Мерка) // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. – Магадан: Кн. Изд-во, 1978. – С. 98–154.

ПМА – Полевые материалы авторов.

Черненко М. Б. Путешествия по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789-1791гг. // Летопись Севера. – Ч. II. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. С. 121–156.

Yashchenko O. Why are Lorino and Sireniki so different? Exploring communities through festivals, language use and subsistence practices in contemporary Chukotka. – Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2013. MA Thesis. – 154 p.

Коломиец О. П., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН.

Ул. Энергетиков, 15, Чукотский автономный округ, Анадырь, 689000.

E-mail: okkolo@mail.ru

Нувано В. Н., научный сотрудник

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН.

Ул. Энергетиков, 15, Чукотский автономный округ, Анадырь, 689000.

E-mail: vlad_nuvano@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 сентября 2019 г.

O. P. Kolomiets, V. N. Nuvano

FUNERARY PRACTICES IN MODERN CHUKCHI CULTURE

This article examines the funeral Chukchi traditions that have survived to the present time. Many scientists believed that archaic forms of funerals would give way to a modern unified ritual. However, in some national villages of Chukotka people are still buried by burning or leaving the dead body on a hill or in an open area; modern funeral rites are also often associated with some elements of traditional culture.

The authors consider the worldview associated with death, the attitude to death in the Chukchi and neighboring ethnic groups. For a comparative analysis of the rites occurring in different years, the authors give descriptions of the funeral rites by scientists and travelers of the XVIII–XX centuries.

Existing ritual practices in modern Chukchi culture are represented by the following methods of burial of the dead: burning, leaving the body in the open air, laying the body with stones, burial "in Russian".

Among the traditional burial practices, the most common is the ritual of burning. Moreover, in the village of Vaegi of Anadyr districts the funeral "in Chukchi" is the most preferable for residents. The exceptions are the cases when the spouses and close relatives of the representatives of other nationalities can not do the will of the dead in the ceremony of burning.

Other traditional methods of burial are few but still occur in the village of Ilirney (Iultinsky district), Rytkuchi village (Chaunsky district), in some villages of Anadyr and Chukotka district.

Surveys of residents showed that most often "in Chukchi" they bury the old people, who voiced their will during his lifetime, or "tundra-people" engaged in traditional farming away from the villages.

It should be noted that nowadays few informants could describe the ritual as a whole, many people know the order of ritual acts, but cannot disclose their meaning. The funeral rites are frequently held in a "truncated" version (once the mandatory manipulations with the dead are no longer produced, for example, tendons cut, "open" chest, etc.).

In rural areas, there are still experts who own traditional burial practices. They participate in the preparation and conduct of the rite, teach the younger generation to conduct rituals.

Key words: *Chukchi, traditional culture, traditional funeral rites, rite of burning, elements of funeral rite.*

References:

- Belyaeva A. V.** Etnograficheskaya poezdka v Anadyrskij rajon [Etnographic trip to the Anadyr area] // Kraevedcheskie zapiski. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – P. 27–38. (in Russian)
- Beretti N. N.** Na Krajnem Severo-Vostoke [In the Extreme Northeast]. – Vladivostok, 1929. – 96 p. (in Russian)
- Bogoraz V. G.** Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [The materials on studying of the Chukchi language and folklore collected in the Kolyma district]. – SPb.: Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk, 1900. – 417 p. (in Russian)
- Bogoraz V. G.** Chukchi: Religiya [Chukchi: Religion]. – M.: Knizhnyj dom «LIBRIKOM», 2011. – 208 p. (in Russian)
- Vdovin I. S.** Priroda i chelovek v religioznyh predstavleniyah chukchej [Nature and the person in religious representations by the Chukchi] // Priroda i chelovek v religioznyh predstavleniyah narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). – L.: Nauka, 1978. – P. 217–253. (in Russian)
- Vdovin I. S.** Religioznye kul'ty chukchej [Religious cults the Chukchi] // Pamyatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Sbornik muzeya antropologii i etnografii. – L.: Nauka, 1977. – T. XXXIII. – P. 117–171. (in Russian)
- Vol'fson A. G.** Osnovnye ekologicheskie i social'nye faktory stanovleniya kul'turno-hozyajstvennogo uklada olennyh chukchej i koryakov [Major ecological and social factors of formation of cultural and economic way olennykh Chukchi and Koryaks]. – Magadan, 1985. – 83 p. (in Russian)
- Gagarin S. S.** K voprosu ob obychnye «dobrovol'noj smerti» [On the custom of the "voluntary death"] // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. – Moskva: Institut Naslediya, 2008. – P. 224–229. (in Russian)
- Gorbacheva V. V.** Obryady i prazdniki koryakov [Ceremonies and holidays of Koryaks]. SPb.: Nauka, 2004. – 152 p. (in Russian)
- D'yachkov A. E.** Anadyrskij kraj [Anadyrsky edge]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. – 267 p. (in Russian)
- Zhurnal, ili podennik, flota kapitana I. Billingsa. Pohod zemlemernyj po chukotskoj strane do Anyujskoj kreposti v godah 1791 i 1792 [Magazine, or podennik, fleet of the captain I. Billings. A campaign geodetic over the Chukchi country to the Anyuysky fortress advanced in years 1791 and 1792] // Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoj geograficheskoy ekspedicii: 1785–1795 gg. – Magadan: Kn. Izd-vo, 1978. – P. 54–58. (in Russian)
- Istoriya i kul'tura koryakov [History and culture of Koryaks]. – SPb.: Nauka, 1993. – 236 p. (in Russian)
- Kiber A. E.** Chukchi [Chukchi] // Sibirskij vestnik, 1824. – Part II. P. 87–126. (in Russian)
- Lebedev V.** Vozvrashchenie Utylya [Utyl's return] // Severnye prostory, 1992. – № 3–4. – P. 34–37. (in Russian)
- Lebedev V. V., Simchenko Yu. B.** Achavayamskaya vesna [Achavayamskaya spring]. – Moskva: Mysl', 1983. – 143 p. (in Russian)
- Leont'ev V. V.** Osobennosti kul'turno-hozyajstvennogo razvitiya narodnostej CHukotki na sovremennom etape (1958–1967 gg.). Okonchatel'nyj otchet [Features of cultural and economic development of nationalities of Chukotka at the present stage (1958–1967). Final report.]. – Magadan, 1969. – 300 p. (Arhiv laboratorii istorii i ekonomiki (g. Anadyr') SVKNII DVO RAN. Inv. № 838) (in Russian)
- Nuvano V. N.** Obryad pogrebal'nogo sozhzheniya u vaezhskih chukchej [Cremation of the deceased among the Vaegi Chukchi] // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. – Moskva: Institut Naslediya, 2008. – P. 230–234. (in Russian)

Olsuf'ev A. V. Obshchij ocherk Anadyrskoj okrugi i ee ekonomicheskogo sostoyaniya i byta naseleniya [A general outline of the Anadyr district, its economic status and living conditions of the population]. – SPb., 1896. – 245 p. (in Russian)
Opisanie obychaev i obraza zhizni chukchej (rukopis' G. K. Merka) [Description of customs and way of life Chukchi (G. K. Merk's manuscript)] // Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoj geograficheskoy ekspedicii: 1785–1795 gg. – Magadan: Kn. Izd-vo, 1978. – P. 98–154. (in Russian)

PMA – Polevye materialy avtorov. [The field materials of the authors]. (in Russian)

Chernenko M. B. Puteshestviya po Chukotskoj zemle i plavanie na Alyasku kazach'ego sotnika Ivana Kobeleva v 1779 i 1789–1791gg. [Travel on the Chukchi earth and swimming to Alaska the Cossack sotnik of Ivan Kobelev in 1779 and 1789–1791gg.] // Letopis' Severa. – Ch. II. – M.: Gos. izd-vo geograficheskoy literatury, 1957. P. 121–156. (in Russian)

Yashchenko O. Why are Lorino and Sireniki so different? Exploring communities through festivals, language use and subsistence practices in contemporary Chukotka. – Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2013. MA Thesis. – 154 p.

Kolomiets Oxana Petrovna, PhD (History), leading researcher.

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N. A. Shilo Far East Branch, Russian Academy of Sciences.

Energetikov str., 15, Anadyr, Russia, 689000.

E-mail: okkolo@mail.ru

Nuvano Vladislav Nikolaevich, Research associate.

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N. A. Shilo Far East Branch, Russian Academy of Sciences.

Energetikov str., 15, Anadyr, Russia, 689000.

E-mail: vlad_nuvano@mail.ru